

Даля Трускиновская
Монах и кошка (Кайдан)

«Автор»

1996

Трускиновская Д. М.

Монах и кошка (Кайдан) / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
1996

Реально существовавшая японская поэтесса Оно Оно Комати, полюбив, воплощается в трёхцветную кошку-оборотня...Повесть-стилизация на основе мифологии – фольклора Японии хаянского периода.

© Трускиновская Д. М., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Далия Трускиновская

Монах и кошка

(Кайдан)

Часть первая

Темным зимним вечером накануне последнего дня двенадцатой луны направлялась по извилистой и почти неразличимой в сугробах дороге вверх, к горному монастырю, небольшая процессия – слишком скромная для знатного паломника, но при том достаточно нарядная. Да и кто бы собрался в такую скверную погоду навещать столь отдаленный от столицы монастырь?

Впереди ехали на сытых лошадях вооруженные и тепло одетые кэраи, за ними носильщики, скользя и оступаясь, тащили небольшие носилки. Замыкали это шествие двое всадников – один совсем еще юный, другой раза в два постарше. Первый был молодой господин, Минамото Юкинари, второй – старший кэрай, возглавлявший его свиту, любимец старого господина – Кэнске.

Холодный ветер задувал в широкие рукава одежд, и хотя были они подбиты ватой, как положено в это время года, но тело пронизывал нестерпимый холод.

Однако юноша и старший кэрай, как видно, больше заботились не о себе, а о тех, кто ехал в носилках. Всякий раз, как носильщик спотыкался, молодой господин в испуге порывался сам ухватиться за украшенные резьбой ручки, но Кэнске деликатно отстранял его и сам поддерживал сверху раскачивавшийся кузов.

– Скоро он будет, этот монастырь? – сердито спросил юноша. – Уже ночь наступила, а мы все взбираемся вверх да вверх! Что же он, на облаке построен, твой монастырь?

– Я узнаю кривую сосну на повороте, – ответил кэрай. – Теперь уже совсем близко. Не больше половины ри. Берегитесь, господин!

Но Минамото Юкинари не уберется – огромный ком снега свалился с ветки прямо за воротник его роскошного наряда. Юношу прямо передернуло, а испуганный конь под ним метнулся в сторону от тропы.

Ежась и поводя плечами, между которыми протекла струйка талой воды, Юкинари сладил с конем и подъехал к самым носилкам.

– Ведь ничего не случится, если я чуть приоткрою занавеску? – спросил он у Кэнске. – Вряд ли в маленькую щелку так уж сильно надует...

– Не стоит так волноваться, молодой господин, – усмехнулся кэрай. – Здоровью вашего сокровища ровно ничего не угрожает.

Минамото Юкинари заглянул в носилки.

Там, закутанная по уши в тяжелые многослойные одежды, сидела девушка лет четырнадцати. Подол верхнего платья она накинула на голову и видны были только губы и самый кончик носа.

– Как ты там, Норико? – грубовато спросил юноша. – Не замерзла?

– Не стоит молодому господину обо мне беспокоиться, – выглядывая из-под края платья, ответила девочка. – Я же выросла на побережье и не боюсь холодного ветра!

– А как себя чувствует госпожа кошка?

– Госпожа кошка пригелась и спит. Я держу ее под складками рукавов... показать молодому господину?

– Не надо, Норико, не смей! Если госпожу кошку прохватит холодным ветром и она заболит, мне лучше домой не возвращаться, да и тебе достанется.

– Я знаю, – сказала девушка. И покрепче прижала к себе зверька.

Минамото Юкинари опустил край занавески.

– Как медленно мы движемся, – пожаловался он. – Если бы не носилки, мы два дня назад были бы в Хэйане! Мы уже пропустили праздник изгнания злых духов, пропустим Поклонение четырем сторонам, и будет чудом, если мы успеем к первому дню Крысы!

– С носилками или без них, но снегопад все равно задержал бы нас, – возразил кэрай. – Даже не представляю, как в такую погоду люди выйдут в день Крысы на луга собирать семь первых весенних трав... Однако вот и монастырские ворота!

– Я не вижу.

– Зато я вижу! Эй, там, впереди! Стойте! Пропустите вперед молодого господина!

Минамото Юкинари с трудом объехал носилки и оказался во главе своего маленького отряда. Кэрай Кэнске последовал за ним и ударил кулаком в ворота.

– Открывайте! – зычно завопил он.

– Кто это пожаловал в такое неподходящее время? – ворчливо осведомился привратник. – Вот уж воистину неподходящая погода для паломничества!

– Подходящая или неподходящая, а отворяй ворота! Не то тебе объяснит про погоду и про паломников сам отец настоятель! – пригрозил Кэнске. – Вот тоже придумал – заставлять окоченевших людей ждать под воротами!

– А настоятелю что сказать?

– Что пожаловал молодой господин Минамото Юкинари, сын господина Минамото Такаеси, и если это имя тебе ничего не говорит, то ты дурак и невежа!

– Минамото Такаеси? Да не наместник ли это провинции... провинции...

– Он самый! – рявкнул Кэнске. – Ты хочешь, чтобы сын господина наместника превратился возле твоих ворот в сосульку?!

Привратник долго и бестолково отворял монастырские ворота, а Кэнске костерил его на все лады. Минамото Юкинари слушал их перебранку, но она не раздражала его – юноша смертельно устал и замерз, так что от одной мысли, что сейчас его накормят теплым ужином и уложат на мягких дзабутонах, уже на душе становилось радостно.

Ворота открылись ровно настолько, чтобы всадники по одному протиснулись в монастырский двор, а уж носильщикам и вовсе пришлось туго.

Когда ворота опять затворились, Юкинари подъехал к носилкам и, поскольку место было заветренное, смело откинул занавеску.

– Мы приехали, Норико, – сказал он. – Сейчас тебе дадут горячего рисового отвара и ты согреешься. И смело требуй для госпожи кошки всего, что ей необходимо! Ты помнишь, Норико, что обещал тебе господин? Если ты благополучно доставишь госпожу кошку моей сестре, то останешься служить в ее свите, будешь жить в государевом дворце и, может быть, даже увидишь самого государя императора! А если с госпожой кошкой хоть что-нибудь случится...

Юкинари сдвинул густые брови и смерил девушку самым суровым взглядом, какой только мог перенять у своего властного отца.

– Отец настоятель и его почтенный гость ожидают вас, молодой господин, – обратился к Минамото Юкинари вышедший из внутренних покоев монах.

– Я бы охотно обошелся без этих бесед с почтенными гостями, Кэнске, – сказал Юкинари кэраю. – Жаровня с горячими углями – вот единственный собеседник, в котором я нуждаюсь. Там наверняка говорят о божественном и читают сутры... Какой будет позор, если меня от горячей пищи потянет в сон! Кстати, проследи, чтобы всех моих кэраев хорошо устроили. И пусть поочередно охраняют девчонку Норико! Святость святостью, а бывали случаи, когда монахи пробирались в кельи к молодым паломницам. Мне только этой неприятности не доставало!

– Да я сам лягу возле ее порога, – пообещал Кэнске. – Девчонка-то хорошая, как она о госпоже кошке заботится! Иная мать так о ребенке не печется, как она о госпоже кошке. А может, молодому господину будет угодно?.. Я вам говорю – девчонка хорошая, нетронутая еще, и личико приятное, и волосы, как у знатной девицы, ниже коленок. Да и сама Норико, сдастся мне, была бы рада...

Молодой господин презрительно хмыкнул. Но монах, которому было велено сопроводить нового знатного гостя к настоятелю, смотрел на него во все глаза, ожидая, и Юкинари, сойдя с коня, направился вслед за ним. После целого дня, проведенного в седле, ноги у него были как не свои.

* * *

В келье у старенького настоятеля было тепло и уютно. На лакированном столике уже стояло блюдо с новогодним угощением – колобками-моти из лучшего риса, а поверх колобков лежали кусочки рыбы и овощей.

– Добро пожаловать, – негромко сказал настоятель. – Что за скверная метель преградила вам путь! Я боюсь, что от такого внезапного ветра замерзнут вишни в государевых садах. Садитесь ближе к жаровне, согрейте руки.

Гость настоятеля, раскручивавший длинный свиток с картинками, поднял голову.

– Минамото Юкинари! – воскликнул он, всплеснув многослойными рукавами. – А мы как раз говорили о твоём отце и о тебе! Вовремя же ты явился, Юкинари-сама!

– Фуздивара Нарихира! – с неменьшим удивлением отвечал Юкинари, торопливо подсаживаясь к круглой жаровне из ароматного дерева чэнь, покрытой темным лаком в золотую крапинку. – Ты-то что здесь делаешь? Почему ты не в Хэйане? Весь двор готовится к новогодним празднествам, а ты сидишь в горном монастыре? Что же это такое творится?

– Должно быть, обидел я здешнего тэнгу, – смеясь, отвечал Нарихира. – Вообрази, Юкинари-сама, отправляюсь я в паломничество, как подобает, в экипаже, со слугами, в замечательном наряде – на мне было охотничье платье цвета ярко-желтой керрии и шесть нижних одежд из палевого шелка-сырца. А густо-лиловые шаровары, естественно, сплошь затканы узором из виноградных листьев, а края шаровар подобраны кверху и подвязаны шнурами изящнейшим образом! Это новая мода, я научу тебя... Когда я ехал, все оборачивались! И бредет мне навстречу скверный гадалщик! Мне бы проехать мимо, потому что гадалщиков и при дворе раз в десять больше, чем нужно бы. Так нет же – я велю остановить быка, гадалщик бросается к моей повозке и, разумеется, устраивает мне целое представление.

– Уж не тот ли тебе попался негодяй-гадалщик, что и мне, Нарихира-сама? – спросил Юкинари, двумя пальцами взяв аппетитнейший моти. – Ведь он в конце концов настоятельно присоветовал тебе переменить направление пути!

– Как ты угадал? – изумился придворный. – Вот удивительное дело! Ну, как меняют направление пути, ты знаешь и сам...

– Тише, Нарихира-сама, – сказал Юкинари. – Гляди, отец настоятель задремал.

Нарихира покосился на старенького монаха. Тот действительно закрыл глаза и прислонился к стенке.

– В его годы и следует по ночам спать, а не гостей принимать, – буркнул Нарихира. – Мы ведь с ним до твоего прихода как уселись за стол в час Петуха, так и не вставали... а сейчас уже час Крысы, надо полагать?

– По-моему, еще час Свиньи. Ну так заехали вы, чтобы переменить направление пути, в первую же попавшуюся усадьбу, переждали там часа два-три, и что же дальше? Двинулись к монастырю?

– Этот проклятый гадалщик попался мне уже вечером, так что я заночевал со всей своей свитой на мерзком постоялом дворе, где мне подсосывали каких-то неумытых девиц, Юкинари-сама! Вообрази – знатному человеку, которому достаточно написать письмо самой известной придворной даме, чтобы она ответила взаимностью! Но это еще полбеды. Я рассчитывал, что проведу в монастыре не более суток и сразу же вернусь в Хэйан. А прибыл туда с опозданием на сутки, во-первых, а во-вторых, как я уже догадался, разозлил одного из здешних тэнгу. Очевидно, они не любят охотничьих кафтанов цвета керрии... Вдруг поднялся ветер, началась метель, повалил мокрый снег – словом, кафтан мой погиб безвозвратно!

– Ты же сидел в повозке!

– Ты не представляешь, Юкинари-сама, какое это жалкое зрелище – опрокинутая повозка! Естественно, в такую метель ничего иного и не могло случиться. Хорошо еще, что повозка с быком удержались на тропе, а не покатались по крутому склону. И вот я прибыл в монастырь – не лучше нищего оборванца или того же мерзкого бродячего гадалщика. А в вершинах сосен как будто даже хохот слышался! Не иначе, на ветке сидел тэнгу, хлопал крыльями и издевался надо мной...

– И ты переживаешь здесь плохую погоду? – спросил Минамото Юкинари.

– Да, и молюсь о том, чтобы боги покарали этого гнусного гадалщика... погоди, а ты? Что вышло с гадалщиком у тебя?

Юкинари усмехнулся.

– Возможно, я тоже буду молиться о гадалщике, – сказал он. – Но только для того, чтобы боги вознаградили его и в будущем воплощении он стал бы, ну, хоть дворцовым слугой!

– Тише, а то разбудишь отца настоятеля, – предупредил Фудзивара Нарихира.

– Дело в том, что я не собирался ехать в Хэйан так рано, – начал Юкинари. – Я хотел прибыть к твоему родовому празднику – дню святилища Касуга.

– Да это же первый день Обезьяны, и до него еще по меньшей мере две луны! – воскликнул Нарихира.

– Но случилось совершенно неожиданное и неслыханное происшествие. Ты знаешь, что живем мы у самого побережья и часто наблюдаем морские осенние бури.

– Когда-нибудь я приеду к тебе полюбоваться морем и мы там сложим по две-три танка в честь волн и красивых рыбачек, – пообещал Нарихира. – И непременно чтобы был дымок от солеварен.

– Насчет красавиц рыбачек ничего тебе не скажу, иногда мне кажется, что их придумал какой-нибудь древний поэт, а может, двести лет назад они еще и водились. Дымок от солеварен будет непременно, – усмехнулся Юкинари. – Но соблаговоли, Нарихира-сама, дослушать до конца. Мы любовались кипящим морем и увидели попавшее в бурю корейское судно. Должно быть, оно сбилось с пути и два дня пыталось подойти к берегу, но наконец стало тонуть. Отец приказал рыбакам выйти на лодках в море, чтобы спасти хоть кого-нибудь, но все, кто был на этом судне, утонули. Очевидно, плохо молились богу Фунадама-сама. Рыбаки вытащили из воды – угадай, кого!

– Если все люди утонули... – нерешительно начал Нарихира. – Животное какое-нибудь? Собаку?

– Кошку!

– Кошку?!

– Кошку! Да еще какую! Нарихира-сама, клянусь тебе, что у самого императора нет такой красавицы!

– Можно подумать, что у него так уж их много! Да придворных кошек, мне кажется, можно на пальцах пересчитать. Правда, их могло быть и больше, но он уже роздал самым знатным придворным несколько маленьких котят.

– Когда госпожу кошку обсушили и согрели, отец приласкал ее и велел надеть ей красивый ошейник. А потом позвал меня и сказал – сын, собирайся в дорогу, я знаю, что ты давно хотел ехать в Хэйан ко двору государя, и вот замечательный случай! Видишь ли, Нарихира-сама, отец сразу все придумал и рассчитал. Моя сестра Йоко служит у госпожи Кокидэн...

– Можешь не продолжать! – воскликнул Нарихира. – Государь совсем недавно женился на этой красавице, окружил ее новыми придворными дамами и поселил ее во дворце Кокидэн! Он часто бывает там, и если твоя сестра вовремя вынесет на руках красивую кошку, судьба ее обеспечена! Возможно даже, что государь действительно обратит на нее внимание и приблизит ее к себе. Это было бы неслыханной удачей для всей вашей семьи!

– Ты прав, именно это и сказал мне отец. Он также велел обращаться с госпожой кошкой почтительно, потому что она предназначена развлекать самого государя. Вот почему мы посадили в носилки дочку нашего повара Норико, а ей за пазуху поместили госпожу кошку. Вот почему мы в такое неподходящее время двинулись в путь.

– Жаль только, что ты можешь опоздать к восьмому дню Нового года, – заметил Нарихира.

– Почему, Нарихира-сама?

– Потому что именно в этот день государь присваивает фрейлинам более высокие звания! Вот было бы кстати... Впрочем, и так все это замечательно, и ты обязательно прикажешь своей Норико принести госпожу кошку, но что же было с гадалщиком?

– С гадалщиком? Гадалщик, можно сказать, кинулся под копыта моему коню, чтобы заставить меня переменить направление пути! Но это было утром, мы свернули с дороги и вскоре оказались в небольшой усадьбе. Отродясь я не видывал такой жуткой развалины! А какая там была вонь!

Фудзивара Нарихира удивленно приподнял красивые брови, и Юкинари опомнился. Такое восклицание было не к лицу молодому придворному, и юноша принялся исправлять ошибку.

– Была особенная прелесть в сломанных воротах, от которых уцелели только столбы, в одряхлевших ступеньках, в утративших блеск полах и перильцах, – как можно более мечтательно и задумчиво сказал он. – Все заросло высокой пылью. Обвалилась ограда, водяные травы заглушили пруд. И мне показалось, что с этой старой усадьбой связана чья-то печальная судьба. Там могла жить в одиночестве дама, которую бросил возлюбленный...

Юкинари замолчал, исподлобья глянув на собеседника – одобряет ли тот его поэтическую речь? Нарихира одобрительно кивал.

– Хозяев и слуг там не было уже много лет, один только старый привратник... по-моему, не в своем уме, потому что поздравлял нас всех подряд с праздником Звезд, а был, как на смех, первый день Свиньи... Старый привратник отвел нас в один из павильонов, где еще уцелела крыша, – переждать положенное время. Пока мои кэраи играли в сугороку и в го, я отправился побродить по усадьбе. И погляди, что я нашел!

Юкинари вынул из-за пазухи сверток, размотал бледно-зеленый шелк и достал лист бумаги. Нарихира взял этот лист, прочитал написанные на нем строки и с подозрением взглянул на Юкинари.

– Странная же попалась тебе находка! – сказал он. – Бумага замечательная, такую розовую бумагу делают в Митиноку из коры бересклета. Почерк... знаешь, как называют такой почерк в Китае?

– Знаю! «Поющая кисть и танцующая тушь»!

– Если судить по замечательному почерку, это натура незаурядная. Жаль только, что она, как и все женщины, обречена писать только японскими знаками. А подлинное совершенство почерка и натуры проявляется только в китайских иероглифах. Возможно, она и рисует неплохо. Хотел бы я посмотреть на женщину, которая написала эти знаки!

– А я – так лишь об этом и мечтаю! – пылко признался Юкинари. – Жаль, что танка без последних строчек...

– Скажи лучше – только две первых!

– Да, но ты вслушайся в эти строчки!

«Приди – на твою любовь
отвечу такой любовью,
что звезды...»

– Кстати, это, возможно, особая хитрость – оставить такие стихи как бы недописанными, – заметил Нарихира. – Очень утонченный ход! Надо будет попробовать в переписке с моей новой подругой – знаешь, кто это? Дама из свиты самой государыни! Она уже дважды приглашала меня в свои покои! Ей это наверняка очень понравится...отвечу такой любовью, что звезды...» Слушай, в самом деле – это очень изысканно! Представляю, как она будет показывать мое письмо подругам!.. Возможно, даже самой государыне!.. Знаешь, Юкинари-сама, если эта блистательная мысль принесет такие плоды, то я уж о тебе позабочусь! Скоро день Весеннего назначения – если ты хочешь получить хорошую должность в провинции, считай, что она – твоя!

– Да я только что из провинции! Дай мне хоть год пожить при дворе! – воскликнул Юкинари. – А если я действительно удостоюсь твоей благодарности, то помоги мне в другом!

– Отец настоятель зашевелился! – предупредил Нарихира.

Молодые люди замерли.

Настоятель, очевидно, и впрямь заснул. Он сполз вдоль стены и свернулся клубочком за полированным столиком. Нарихира подвинулся к нему поближе и вгляделся в морщинистое загорелое лицо.

– В такую погоду горячий обильный ужин и подогретое вино кого угодно уложат спать, – объяснил он. – Да мы еще обсуждали всякие заковыристые вопросы. После такой беседы я буду при дворе блистать знаниями! Ну, какой же помощи ты ждешь от меня?

– Помоги мне найти эту женщину! – и Юкинари указал глазами на лист розовой бумаги из Митиноку.

Нарихира уставился на него как на безумца.

– Где же, по-твоему, я буду ее искать? – изумленно спросил он. – Мы же ничего не знаем о ней! Скажи мне хоть, из какого она дома!

– Если бы я знал!.. Но я должен найти ее, Нарихира-сама. Она самой судьбой предназначена именно мне! То, что я нашел ее стихи, знак нашей связи. И я уверен, что в Хэйане обязательно встречу ее.

– Логика в твоих словах есть, – подумав, решил Нарихира. – Государь собирает при своем дворе самых талантливых поэтесс. В свите у каждой из его супруг или наложниц есть одаренные дамы, с которыми приятно переписываться. Но, Юкинари-сама, подумай – что, если написавшая эти стихи дама дурна собой, как бог Кацураги? А ты будешь страстно добиваться встречи в ней и, пожалуй, добьешься! Вообрази себе только, что ночью за створками ситомы тебя встречает косоглазое чудище с набеленным лицом, шершавой кожей и порыжевшими накладными волосами! И не смотри на меня так – можно подумать, ты не знал, что у половины наших придворных дам волосы накладные! Юкинари-сама, уж мы-то, придворные, сколько раз на этом обжигались! Узнаешь – привезли новенькую, все только и говорят про ее талант, про ее вкус! Посылаешь ей письмо, она отвечает. Еще письмо – еще ответ. Понемногу дело близится к свиданию. А ведь ты до решающей минуты не имеешь возможности посмотреть ей в лицо. Ты можешь разве что понюхать ее рукава, когда они высунутся из-за церемониального занавеса, и оценить ее вкус по части ароматов!

– Погоди, погоди, Нарихира-сама! – еле остановил Юкинари разбушевавшегося приятеля. – Знаешь, что сказал один мудрый человек? Пусть у дамы будут косые глаза, брови шириной во весь лоб и приплюснутый нос – лишь бы ротик был приятный, подбородок – круглый, и голос ушей не оскорблял! Но шутки шутками, а ты ведь не понял в этих стихах главного. Так что написала их – действительно редкостная красавица.

– С чего ты взял? – недовольно спросил Нарихира.

– Да ведь только женщина, уверенная в своей красоте, будет так звать возлюбленного!

– Значит, по-твоему...

– У нее длинные черные волосы, сверкающая челка до самых бровей, белая без всяких притираний и нежная, как лепесток, кожа!

– И округлый подбородок?

– И округлый подбородок!

– О три сокровища святого Будды! Интересные вещи вычитал ты в этих неоконченных стихах! – сердито сказал не привыкший, чтобы ему перечили, Нарихира. Его замечательные черные брови сошлись над переносицей.

Минамото Юкинари тоже недовольно сдвинул брови.

– Я буду искать и найду эту женщину даже без твоей помощи! – отрубил он. – Она зовет возлюбленного – ну так я и буду ее возлюбленным! Я готов ответить на ее призыв! Когда я встречу ее в Хэйане и покажу ей эти стихи, мы вместе посмеемся над теми, кто не сумел их понять.

– Впервые слышу такое нелепое объяснение в любви, – съязвил Нарихира. – Ладно бы еще в стихах! Стихи и не то стерпят. К тому же если танка получится удачной, ее можно записать и прочитать потом в приличном обществе.

– Вот ты и пиши стихи для приличного общества! – воскликнул выведенный из себя Юкинари.

Старенький настоятель зашевелился и забормотал что-то себе под нос. Оба молодых человека, мгновенно присмирив, склонились над ним, пытаясь понять, спит он еще или они ненароком его разбудили.

– Мужчина не должен отдавать женщине свою силу... – с закрытыми глазами сообщил им настоятель. – Он должен взять ее силу... и с этой целью иметь как можно больше женщин... не менее десяти...

Юкинари и Нарихира озадаченно переглянулись.

– Услышал сквозь сон твои крики и признания, – укоризненно сказал Нарихира.

– Может быть, ему снится женщина? – предположил Юкинари.

Нарихира пожал плечами и встал.

– Отец настоятель, если вдуматься, прав, – сказал он. – Этому даже наставники мальчиков учат. В сношении с женщиной считай себя золотым слитком, а ее – глиняным черепком, возьми ее силу, но не делись с ней своей! Ты слишком много сейчас пообещал этой невероятной женщине. – Я готов сдержать свое слово.

– А если ты не встретишь ее? Твои мысли будут заняты только ею, и кончится тем, что к тебе привяжется какая-нибудь нечисть! Вот увидишь – примет она вид твоей возлюбленной и вступит с тобой в связь! И помутиться ты рассудком.

– Пусть так...

Очевидно, Фудзивара Нарихира уже сталкивался с упрямым нравом своего приятеля. Будучи на несколько лет старше его, он почел за лучшее не продолжать этого глупого спора, чтобы Юкинари не договорился до совершенной ерунды. Поэтому Нарихира откинул дверную занавеску. У входа в келью настоятеля он обнаружил задремавшего монаха.

Нарихира осторожно растолкал его и попросил отвести и его самого, и Минамото Юкинари в предназначенные им кельи, поскольку давно уже наступил час Быка. Равным образом

он велел монаху позаботиться об отце настоятеля. Юкинари тоже вышел и осторожно задвинул занавеску.

– Хотелось бы, чтобы к утру метель угомонилась, – сказал ему на прощание Нарихира. – Тогда бы мы вместе двинулись в путь. Я должен поскорее оказаться в Хэйане!

Но когда монах, проводив их, вернулся к настоятелю, чтобы потеплее укрыть его, обнаружилось, что тот давно не спит. И более того – вид у старика был весьма удрученный. Очевидно, он думал о вещах неприятных.

– Позови сюда монаха Бэнкея, – внезапно, словно приняв нелегкое решение, приказал настоятель.

Вскоре монах Бэнкей явился на зов и молча встал у дверей. Настоятель без единого слова приветствия посмотрел на него и чуть заметно кивнул. И в широких его плечах, и в обнаженных, не по-монашески жилистых и мускулистых руках, и в неподвижном, грубоватой лепки лице, и в осанке высокого, статного Бэнкея чувствовалось непоколебимое спокойствие. Взгляд настоятеля немного прояснился – видимо, он в последний раз взвесил обстоятельства и одобрил свой выбор.

– Я позвал тебя, Бэнкей, выполняя наш давний уговор, – сказал настоятель. – В монастыре гости – молодой человек из рода Фудзивара и молодой человек из рода Минамото. К утру метель уляжется и наши гости двинутся в дорогу. Ты пойдешь за ними следом и будешь их охранять. Один из них, насколько я понимаю, накликнул на себя сегодня страшную опасность. Ты дождеешься того мига, когда эта опасность станет явной, и спасешь его. А потом ты вернешься обратно в монастырь.

* * *

Не окончилась еще последняя четверть часа Дракона, когда монастырские ворота отворились, выпуская красивую, похожую на маленький храм повозку, в которой ехал Фудзивара Нарихира, затем его свиту, Минамото Юкинари вместе с кэраями его отца, а также носилки с Норико и госпожой кошкой.

А незадолго до того через потайную калитку незаметно выбрался Бэнкей.

– Вот видишь, я же говорил, что к утру метель окончится! – радостно восклицал Нарихира, высываясь из повозки. – Это была последняя зимняя метель, и теперь-то можно считать, что весна уже наступила!

– Если учесть, что мы спускаемся в долину, защищенную от ветров, где скоро соберутся цвести вишни, то для господина Фудзивара Нарихира через день настанет и лето, – шепнул Кэнске своему молодому господину.

– Как охраняли ночью Норико? – строго спросил Юкинари. – И довольны ли мои кэраи?

– Кэраи сыты и готовы вам служить, – понимая, как юному господину хочется блеснуть повадкой опытного хозяина перед старшим приятелем, отвечал Кэнске. – Что касается Норико – я обещал молодому господину, что сам лягу на пороге, и действительно там спал, хотя и здорово дуло. А потом госпожу кошку и Норико как следует накормили утром и посадили в повозку вместе. Не угодно ли взглянуть на госпожу кошку? Ветра нет, потеплело, можно спокойно поднять занавеску – никакая простуда ей не угрожает.

В доказательство Кэнске подъехал к носилкам и заглянул в них.

– Спит! – воскликнул он. – Норико опять заснула! Но и во сне прижимает к себе госпожу кошку. Видна только белая лапка.

– Ну, разбудить девчонку несложно, – отвечал Юкинари. – Нарихира-сан, не угодно ли взглянуть на госпожу кошку? Клянусь, при дворе таких нет. Отец утверждает, что никогда в жизни не видел трехцветной кошки.

После ночного спора приятели обращались друг к другу суше обычного, причем Нарихира чувствовал себя как бы обиженным и, обращаясь к Юкинари, всячески подчеркивал, что он, представитель знатнейшего в Японии рода, да еще его северной ветви, которая решает судьбы государей, сам, добровольно, делает первые шаги к примирению. А Юкинари, вспоминая размолвку, чувствовал себя крайне неловко. Созерцание предназначенной для увеселения государя кошки могло опять подружить его с Нарихира.

– Госпожа кошка, которая служит в покоях госпожи Сигейся, черная с белой грудкой, и я прекрасно знаю ее, Юкинари-сан, – похвастался молодой придворный завидным знакомством в свите одной из младших государынь. – Более того, недавно мы во дворце Сигейся весь вечер сочиняли стихи, посвященные именно этой госпоже кошке. Особенно отличилась сама госпожа Сигейся. Когда приедем в Хэйан, я дам тебе почитать стихи, сочиненные тем вечером. Госпожа Сигейся велела своим дамам переписать их для всех гостей на хорошей бумаге. А одну копию подарила государю. Знаешь ли ты, что государь после этого изволил завтракать в покоях госпожи Сигейся, держа ее кошку за пазухой? И присвоил ей титул «мебу» – представляешь, кошке теперь оказывается такой же почет, как придворной даме пятого или даже четвертого ранга!

– До нас почти не доходят придворные новости, – с явным огорчением сказал Юкинари. – Я понимаю, что нашей кошке далеко до влиятельной госпожи мебу-но омото из дворца Сигейся, и стихов о ней никто еще не сочинял, но не угодно ли тебе, Нарихира-сан все же взглянуть на нее?

– Для этого придется вылезать из повозки. Посмотри, какой снег!

Повозка уже выбралась на открытое место и хотя с трудом, но без риска для жизни молодого придворного, катила по прямой и заснеженной дороге.

– Вовсе не обязательно. Я прикажу Норико выйти из носилок и подать кошку к тебе в повозку. Полагаю, ей это не повредит, – имея в виду, конечно же, кошку, отвечал Юкинари.

Беседуя таким образом, они отдалялись от горного склона и неторопливо двигались красивой равниной. А сверху, сквозь покрытые снегом кусты бересклета, за ними внимательно следил Бэнкей.

* * *

Монах легко пробирался между низко нависшими ветвями. Каким-то чутьем он знал, где под тонким снежным покровом прячется валун или крепкий корень сосны, чтобы ступить самому или упереться посохом. Ни разу его обутые в сандалии ноги не провалились в сугроб. И более того – ловкий монах наладился шагать довольно скоро.

– Тэнгу, тэнгу, восемь тэнгу, а со мною – девять тэнгу! – запел он негромко. – Если дождик не пойдет, будем до утра плясать!

Наверху захлопали мощные крылья. Бэнкей задрал голову.

На самой верхушке старой сосны никак не могла уместиться огромная черная птица, похожая на ворона. Но странный это был ворон – с издали заметным красным клювом.

– Спускайся, Остронос! – позвал монах. – У меня с собой рис и соленые овощи! Есть и вино! Правда, немного.

Ворон распахнул широкие разлапистые крылья, свел их над головой и прыгнул. Ногами вперед он понесся сквозь ветки, и Бэнкей еле успел посторониться.

Остронос так стремительно приземлился, что даже присел на корточки. Взмахом крыльев он снова поднял себя в воздух и наконец встал перед Бэнкеем как полагается – лицом к лицу.

Были они примерно одного роста, тэнгу и монах, оба крепкие, плечистые, да и взгляд у них был похожий – полный живейшего интереса ко всему, что творилось кругом. Только над черными глазами Бэнкея росли мохнатые сходящиеся брови, а у тэнгу прямо со лба и со щек

начинались плотные перья, шапочкой облежавшие голову. Лицо лесного жителя было красным, как из кипятка, и красным же был длинный острый нос, за что тэнгу, очевидно, и получил прозвище. Если бы не золотистые ободки круглых глаз – совсем бы он походил на человека в черном небогатом одеянии, с веерами из серых перьев в опущенных руках.

– Соленые овощи я люблю, – сказал Остронос. – Самому удивительно, до чего же я неравнодушен к вашей человеческой пище. Ну, здравствуй, старый разбойник!

Монах нахмурился и строго посмотрел на тэнгу.

– Ах да, простите, я и забыл, что мы теперь исполнены подлинного благочестия! – воскликнул лукавый тэнгу. – Мы раскаялись в былых грехах и принесли обеты. Очевидно, как раз обет послушания и гонит нас сегодня босиком через сугробы.

– Во-первых, я обул варадзи, – Бэнкей показал на свои плетеные сандалии. – А во-вторых, ты знаешь, что холода я не боюсь.

Его руки, как и в монастырских покоях, были обнажены по плечи.

– В-третьих, это не совсем обет послушания... – Бэнкей задумался. – Это не послушание как таковое, Остронос. Просто отец-настоятель обещал найти для меня Путь. Если он куда-то посылает меня – значит, это в первую очередь нужно мне самому. Как по-твоему, успеем мы перекусить, пока молодые господа со своей свитой не скроются из виду?

– Ты имеешь в виду ту компанию, что ночевала в монастыре? – спросил Остронос. – А даже если они и скроются из виду, тебе-то что? Я подниму тебя на сосну, и ты вволю ими налюбуешься. Или тебя послали за ними вдогонку?

– Меня послали их охранять.

– И от кого же? Не от нас ли, вольных тэнгу? Или от горной ведьмы? Такие приятные и утонченные молодые господа – прямо лакомство для нашей старушки! – развеселился тэнгу и даже рассмеялся, сверкая мелкими острыми зубами.

– Сам бы я хотел знать, – сказал Бэнкей. – Отец-настоятель за версту чует нечисть. Что-то такое к ним привязалось, а он учуял. А что бы это могло быть – не сказал.

– Господа совсем еще молоденькие. Наверно, понравились здешним лисам, – тэнгу показывал головой. – Знал бы ты, Бэнкей, какими красавицами перекидываются наши лисы! Но особой опасности тут нет. Лиса сперва поживет с молодым господином в девичьем облике, а потом вспомнит про свои лисьи дела – и хвост трубой. Чтобы до смерти залюбить – такого наши лисички не вытворяют.

– Недавно померла старшая дочка здешнего наместника, – хмуро напомнил Бэнкей. – Уж не ее ли это штучки?

– Призрак для молодого человека, конечно, куда опаснее лисицы, – согласился Остронос. – Всю жизнь высосет и выпьет. Ну, что, поднять тебя на сосну? Убедись, что там у них все в порядке, и сядем перекусим. Я тоже не с пустыми руками. Еще с осени мы запасли сушеную хурму.

Тэнгу ударил крыльями по воздуху и вспорхнул на ветку.

– Ого! – вдруг сказал он. – Бэнкей, никакой закуски не получится! Там у них страшная суматоха!

– Ну-ка, помоги, – спокойно попросил Бэнкей, протянув вверх мускулистую руку. С ветки свесилась покрытая серой чешуей нога – почти человеческая, но с длинными когтистыми пальцами. Бэнкей поудобнее захватил эту ногу, чтобы когти сомкнулись на его запястье, и это встречнее движение было для обоих, монаха и тэнгу, привычным.

Несколько раз хлопнув крыльями, тэнгу снялся с нижней ветки и перебрался повыше. Бэнкея он усадил в развилку, не размыкая когтей, пока тот не устроился вполне безопасно.

– Однако и растолстел же ты, благочестивый наставник! – ехидно заметил Остронос. – А я-то думаю, с чего монахов в народе зовут жирными бездельниками... Ну, любуйся!

С высокой сосны действительно была видна странная суeta вокруг повозки и носилок.

Кэраи спешили и окружили брошенные в снегу носилки, выставив перед собой обнаженные мечи и прицеливаясь в носилки из луков. Судя по движениям, они ударяли о мечи лезвиями своих ножей, хотя звон до сосны, понятное дело, не долетал. Кое-кто просто дергал тетиву, что обычно помогает против нечисти. Нарядная свита Фудзивара Нарихира улепетывала в одну сторону, носильщики Норико – в другую. Юкинари не мог сладить с перепуганным конем. А из покинутой всеми повозки выглядывал Нарихира и что-то кричал, только ветер не доносил его криков до ушей монаха и тэнгу.

– Что бы это значило? – спросил Бэнкей. – Они так перепугались, будто там, в носилках, по меньшей мере стая тэнгу!

– Стая не поместится, – возразил Остронос, – да и никто из наших в носилки не полезет. Потому что незачем. Гляди, гляди, отступают!

Очевидно, Нарихира взял власть в свои руки. Кэраи, пятась, отходили к его повозке. Туда же подъехал Юкинари и прямо с седла соскочил в повозку. Не пряча меча в ножны, подошел Кэнске и, повинувшись жесту хозяина, присел на самый край, туда, где свешивалась нарядная циновка. Молодые господа и старый слуга, почти сталкиваясь лбами, что-то взволнованно обсуждали.

– А дело-то серьезное, – заметил Остронос. – Смотри, и старшего кэрая усадили! Я его знаю, он вояка опытный, не беспокойся – во всем разберется!

Но опытный вояка только тряс головой.

Нарихира кликнул одного из кэраев и послал его вдогонку за своей перепуганной свитой.

– Уж не залез ли туда ноппэрапон? – вдруг сообразил монах. – С этой нечистью я знаком! И управлюсь запросто! Они, чудаки, надеются его звоном мечей отогнать! Спусти-ка меня поскорее вниз!

– Ноппэрапон безобразничает по ночам, – напомнил тэнгу. – Днем его от человека не отличить. Лиловый гладкий шар вместо рожи и сотня глаз на икрах у него только в темноте появляются. Его действительно звоном мечей и тетивы от лука не проймешь. И капле в носилках делать тоже нечего. Во-первых, все ручки льдом затянуты, ему из воды попросту не выбраться. Во-вторых, каппа далеко от берега ни за что не отойдет. Да что же там, в носилках, за нечисть такая?!

Другого кэрая Нарихира послал за носильщиками. Кэнске самолично, поскольку погонщик быка сбежал вместе с прочими, хлестнул красавца-быка и направил его прочь от носилок.

Бэнкей и тэнгу следили с сосны, как перепуганные люди собираются вокруг нарядной повозки, остановившейся по меньшей мере в пяти сотнях шагов от брошенных носилок, в которых угнездилась загадочная нечисть.

– Постой! – вдруг воскликнул Остронос. – Ведь с ними была девушка! Ее-то и везли в носилках! А в толпе я ее не вижу!

– Я тоже не вижу никакой девушки, – сказал Бэнкей. – Похоже, с ней-то и стряслась беда. А вовсе не с молодыми господами. Не думал я, что отец-настоятель так жестоко ошибется. Старее, видно.

– С девушкой ничего не случилось, – вдруг заявил тэнгу. – Девушка жива и невредима.

– Откуда ты знаешь?

– Посмотри на носилки – и ты узнаешь то же самое!

Бэнкей отвел взгляд от перепуганной толпы, перед которой Нарихира держал беззвучную речь, и увидел Норико.

Она с трудом выбралась из носилок и, увязая в снегу, путаясь в тяжелых многослойных одеяниях, брела прочь – к лесу. Споткнувшись, она опустилась на колени и поднялась с большим трудом, но без помощи рук.

– Она что-то несет за пазухой, – сказал тэнгу. – Что-то тяжелое. Обе руки заняты.

– Оно тяжелое и шевелится, – взглядевшись, добавил Бэнкей. – Что же там у них стряслось?

* * *

А в это время Фудзивара Нарихира и Минамото Юкинари, забравшись в повозку, уже сердито спорили.

– Пропади она пропадом, твоя госпожа кошка! – яростно шептал Нарихира. – Ты понимаешь, что случится, если мы привезем в Хэйан оборотня?! Оборотня – в государев дворец?! Спаси и помилуй нас, Дзидзо-сама!

– погоди, не кричи, Нарихира-сама! – уговаривал его Юкинари, не меньше приятеля испуганный такой жуткой возможностью. – Мы доедем до ближайшего храма или монастыря, а там ученые монахи пусть разбираются, кто из двух кошек – госпожа кошка, а кто – мерзкий оборотень! Над оборотнем прочтут заклинания – ну, ты же знаешь, как они это умеют...

– Знаю! – отрубил Нарихира. – Читал один такой заклинания над моей бабушкой, когда она разогнуться не могла!

– Ну и как? Выпрямилась?

– Выпрямилась! Теперь согнуться не может! Что за дуру взял ты с собой, Юкинари-сама? Она что, не чувствует, когда у нее за пазухой одна кошка, а когда – целых две?

– Девчонка – просто дочка нашего повара. Никто и никогда не требовал от нее ума, – высокомерно, невзирая на обстановку, отвечал Юкинари. – Может, ты еще захочешь, чтобы она стихи сочиняла? Оборотень появился в носилках, когда она спала, и забрался ей за пазуху. Естественно, она этого не почувствовала, раз оборотень ее заморочил.

– Я только не пойму, зачем оборотню понадобилось принимать кошачий облик! Ведь сразу же понятно – когда мы увидим в носилках двух совершенно одинаковых кошек, то сразу поймем, что дело нечисто!

– Может быть, этот оборотень сошел с ума? – предположил Юкинари. – Ты что-нибудь слышал о сумасшедших оборотнях?

– Нет! – отрубил Нарихира. – И я не повезу в Хэйан эту нечисть. Надо оставить обеих кошек в лесу – и настоящую, и поддельную.

– Отец убьет меня, – уверенно сказал Юкинари, – если я не доставлю ко двору госпожу кошку. Это – надежда всей нашей семьи. Ты же знаешь, мы из небогатых... И отец с таким трудом получил пост наместника провинции...

– Если все дело только в этом, то не беспокойся, – приосанившись, отвечал Нарихира. – Мы пойдем к моему дяде, расскажем ему, чем ты пожертвовал ради благополучия государя... ты же только ради благополучия государя отказался везти в Хэйан обеих кошек, понял? И зеленый наряд куродо тебе обеспечен! Более того – дядя подскажет тебе, на ком лучше жениться. Тебе ведь уже есть четырнадцать лет?

– Когда зацветут павлонии, исполнится пятнадцать.

– Значит, скоро. Я в твои годы уже не только был женат, но и порадовал младшей супругой свою госпожу из северных покоев, – со скромной гордостью сообщил восемнадцатилетний Нарихира.

– А сколько у тебя теперь жен?

– Три, и этого мужчине вполне должно хватать. Я навещаю каждую по меньшей мере шесть раз в месяц. Значит, решено – никаких кошек мы с собой в столицу не берем. Они и в лесу не пропадут. Позови Кэнске, скажи, что мы двигаемся в путь.

Юкинари высунулся из повозки и открыл было рот, но старший кэрай уже стоял рядом, держа под уздцы своего коня.

– Не позволит ли мне господин догнать Норико? – нерешительно спросил он. – Я боюсь, что девочка пропадет в лесу. А ее отец так уж просил меня присмотреть за ней!

– Ты что, оборотней не боишься? – удивился Юкинари.

– Боюсь! – честно признался Кэнске. – Так перед девчонкой-то стыдно! Она-то их, я вижу, вовсе не боится! Положила за пазуху и госпожу кошку, и поганого оборотня! Наверно, решила в монастырь возвратиться.

– Действительно! – воскликнул Юкинари. – Когда я увидел, что у нее из-за пазухи высунились две кошачьи морды, и... и...

Нарихира прекрасно знал, что при виде двух совершенно одинаковых кошек там, где полагалось быть одной, Юкинари от ужаса просто-напросто заорал. Но вопить, пусть даже испугавшись оборотня, было совершенно неприлично. Молодой придворный умел себя вести и даже выучился не обращать внимания на досадные огрехи.

– Она тоже перепугалась и отбросила кошек, – продолжал Юкинари. – Но, судя по всему, какая-то из них у нее за пазухой.

– Может быть, она сумела отличить госпожу кошку от оборотня? – предположил Кэнске.

– Тогда бы она двинулась к нам. А сейчас она от нас удаляется, – резонно заметил Нарихира.

– Где мой конь? – Юкинари решительно вылез из повозки. – Я сам догоню ее. И спрошу. Кэнске...

– Я поеду с вами, господин, – все поняв, немедленно откликнулся Кэнске. Он видел, как хочется юноше загладить неприятное впечатление, произведенное на старшего приятеля – такого выдающегося царедворца и аристократа, да еще женатого на трех женщинах. И чувствовал, что молодой господин в одиночку не решится подъехать к Норико.

Они сели на коней. Кэнске положил поперек седла обнаженный меч.

– Да поможет нам Дзидзо-сама, – прошептал он. – Выкарабкаемся из этой неприятности – пожертвую в монастырь... Слышишь, Дзидзо-сама?.. Ширмы – вот что пожертвую. Дорогие ширмы для северо-восточных покоев со всякими страшными рожами, чтобы отгонять демонов...

– Наложите стрелы на тетивы луков, – приказал Нарихира кэраям, когда Юкинари и Кэнске отъехали. – Как только увижу что-либо подозрительное – приказываю стрелять!

Он сел на краю повозки в красивой позе, свесив ногу в широкой штанине, а вторую – согнув в колене и уперев в борт кузова. И подумал, что придворные дамы наверняка оценили бы изящество, с которым он командует суровыми кэраями.

* * *

– Эта обезьяна будет нашей, – показывая на молодого придворного крылом, сквозь жесткие перья которого были видны совершенно человеческие пальцы с серым веером, усмехнулся Тэнгу. – Все злюки будут нашими!

– Не верю я, что злой человек после смерти становится тэнгу, – возразил Бэнкей. – Зря ты меня морочишь, Остронос. Выходит, и ты раньше был злюкой?

– Нет, конечно. Уж и поморочить нельзя... – даже огорчился тэнгу. – Им там, внизу, полезно думать, какая карма им назначена за злость. А вот если бы ты захотел податься в нашу стаю...

– У вас только и заботы, что путников пугать и с дороги сбивать, – возразил Бэнкей.

– А у тебя одна забота – Путь искать! Да и то – не у тебя, а у отца-настоятеля. Почем ты знаешь – может, твой путь как раз ведет в нашу стаю?

– Мы уже об этом говорили, – напомнил Бэнкей. – Ну, как, чувствуешь ты опасность?

– Никакой опасности для них я, представь себе, пока не чувствую, – удивленно сообщил тэнгу. – Не пойму, из-за чего они подняли переполох, но все они – живы, целы, невредимы. Вот только та обезьяна, возможно, охрипнет, кричавши.

– Я спущусь и выясню, в чем дело.

– Незачем. Если там что-то серьезное, я отнесу тебя туда быстрее, чем ты добежал бы. Доставай лучше свои припасы, а я достану свои.

– Нет, Остронос, мы можем опоздать! – воскликнул Бэнкей. – Гляди, молодой господин и старший кэрай скачут по снегу к девушке, а меч кэрая обнажен! Не причинили бы они ей вреда!

– Непохоже, но чтобы ты не беспокоился понапрасну, я сейчас доставлю тебя туда, – сказал тэнгу. – Иначе ты не дашь мне покоя и испортишь все удовольствие от вина и закуски.

Он встал на ветку, балансируя крыльями, и дал Бэнкею возможность ухватить себя за ногу.

* * *

Норико тем временем добралась до того места, где начинался поросший кустами склон. Зимой мало кто ездил в горный монастырь, так что широкая тропа, ведущая вверх, была видна лишь благодаря следам от повозки Фудзивара Нарихира и конских копыт. И все же такая тропа была лучше нетронутой целины.

Юкинари и Кэнске догнали девушку, когда она уже приступила к подъему.

– Куда это ты собралась? – сердито крикнул Юкинари.

– В монастырь, господин, – тихо отвечала девушка. – Куда же мне еще идти, раз все меня бросили?

– В монастырь – с оборотнем? – спросил Кэнске. – Ведь у тебя за пазухой оборотень, Норико, неужели ты этого не понимаешь?

– Они у меня за пазухой оба, и оборотень, и госпожа кошка, – сказала Норико. – Не сидеть же мне в носилках, ожидая, пока мы с госпожой кошкой замерзнем!

– Выходит, ты у нас не боишься оборотней? – Кэнске натянул поводья, заставляя коня немного отступить. – Тогда тебя, дурочка, нужно нарядить мужчиной, дать тебе оружие и отправить воевать с северными варварами!

– Боюсь, – призналась девушка, – еще как боюсь! Если бы я знала, кто из них оборотень – неужели бы я хоть пальцем к нему прикоснулась?

– Ты могла оставить в носилках их обоих – и оборотня, и кошку, – сказал Юкинари.

– Не могла.

– Почему? – удивленный непоколебимым упорством в ее обычно звонком, а теперь странно тихом голосе, спросил Юкинари.

– Господин приказал мне заботиться о госпоже кошке. Как бы я ее бросила? Разве я могла ослушаться господина?

– Отец не мог предусмотреть такого случая... – пробормотал Юкинари. – Я отменяю его приказание.

– Кто приказывал, тот и должен отменять, – опустив глаза, сказала Норико.

– Но это же невозможно, дурочка ты! – вмешался Кэнске. – Где старый господин и где мы? Послушайся молодого господина! Брось эту нечисть!

– Старый господин мне честь оказал, дядюшка! – воскликнула Норико, потому что со старшим кэраем могла говорить попроще, чем с Юкинари. – Он меня в свои покои позвал! Он сказал мне – ты, Норико, отвечаешь за госпожу кошку! Все будущее нашего рода – в этой кошке. Если мы через нее достигнем славы и почестей – я тебя так хорошо выдам замуж, что все девицы в окрестностях твоей судьбе позавидуют! Господин мне такие добрые слова сказал – а я его приказание нарушу?

– Значит, ты понесешь госпожу кошку и оборотня обратно в монастырь, чтобы монахи разобрались, что к чему?

– Понесу.

– Ты же не доберешься! Упадешь в снегу и замерзнешь!

– Доберусь!

– Нужно посадить обеих кошек в какой-нибудь мешок и послать с ними в монастырь кэрая, хотя бы Коске, – сказал Юкинари.

– Коске скорее умрет, чем прикоснется к такому мешку, – возразил старший кэрай. – И все остальные тоже.

– А ты сам?

Кэнске только вздохнул и опустил голову.

– Хороши у меня слуги! Давай сюда кошек, Норико, я сам их отвезу! – воскликнул Юкинари, протянул руку, но, как только девушка полезла к себе за пазуху, немедленно протянутую руку убрал.

Подбитое ватой зимнее платье Норико так топорщилось на груди, что смотреть на нее было неловко. Кэнске знал, что девушка хоть и полновата, но стройна, и грудки у нее маленькие, вполне соответствующие канонам красоты. Незнакомый же человек, посмотрев на нее сейчас, изумился бы невероятной величине груди и пожалел бедняжку за такое уродство.

Кэнске покосился на юного господина. Тот явно ждал поддержки.

– Я обещал, что доставлю господина Юкинари в Хэйан в целости и сохранности, Норико, – строго сказал он. – А ну, отойди прочь со всеми своими оборотнями! А то еще господин, чего доброго, и впрямь возьмет оборотня в руки!

Чтобы добавить весу своим словам, Кэнске даже замахнулся на девушку.

И тут со склона, ломая кусты, прямо к копытам его коня скатился человек.

Этот человек немедленно вскочил на ноги, отряхнулся, и по простому платью, по оплечью-кэса, сшитому из ключев холста, по бритой голове все сразу узнали в нем монаха.

– О три сокровища святого Будды! – воскликнул старший кэрай. – Ты-то нам и нужен! Откуда ты взялся? Не с неба же свалился?!

Кэнске был недалеко от истины...

Бэнкей первым делом встал между всадниками и девушкой.

– Всегда рад помочь тем, кто нуждается в помощи, – сказал он.

– Ты знаешь заклинания против злых духов, почтенный наставник? – спросил Юкинари.

– Не вижу здесь злого духа, – отвечал Бэнкей.

– А это, по-твоему, что такое?! – изумился Кэнске, показывая пальцем на грудь Норико.

– Ты бы сперва думал, а потом говорил, старший кэрай, – одернул его Бэнкей. – Как же я посмотрю на женщину? Я не хочу из-за твоей дурости нарушать свои священные обеты и запреты. Что тут у вас стряслось? Я спустился в долину, увидел, как вы гонитесь за женщиной, поспешил и поскользнулся.

– Стряслось! Вот именно, что стряслось, благочестивый наставник! Если господин позволит, я расскажу, – Кэнске взглянул на Юкинари, и тот кивнул. – Везли мы в носилках вот эту девицу и кошку. Когда утром посадили их в носилки, кошка была одна. Этих зверей на все наше государство и полтора десятков не наберется, так мне старый господин сказал. А сейчас заглянули – и увидели двух кошек! Выходит, вторая – оборотень!

– Покажи мне кошек, – не глядя, обратился Бэнкей к Норико.

– Тебе придется повернуться ко мне. Я не стану вытаскивать их из-за пазухи, – заявила упрямая Норико. – Старый господин приказал мне беречь госпожу кошку.

– Но оборотня-то старый господин не приказывал тебе беречь! – заорал Кэнске. – Прошу меня простить, господин... Я не думал, что она выросла такой упрямницей. Не донесешь ты их до монастыря! Свалишься по дороге! Ты ведь много ходить не привыкла!

– Она выполняет приказание, – вступился за девушку Юкинари. – Что же делать? Вы можете нам помочь, почтенный наставник?

– Насколько я понимаю, одно из животных у нее за пазухой справа, а другое – слева, – вмешался монах. – Встань лицом к девице, старший кэрай. Протяни к ней руки.

Кэнске соскочил с коня и выполнил распоряжение.

– Твоя правая рука сейчас почти касается одного из животных, а левая – другого? – старательно отворачиваясь от Норико, уточнил Бэнкей.

– Именно так, – ответил за слугу Юкинари. Сейчас, когда монах всерьез взялся за дело, ему уже не было страшно.

Бэнкей достал дорогие хрустальные четки, тренькнул ими и забормотал заклинание – правда, не от злых духов, а всего лишь от наваждения. Он ждал сигнала от Остроноса, который укрылся совсем рядом, в ветвях вечнозеленого дуба. Кое-какую нечисть Бэнкей научился разгадывать и сам, но тут знакомые ощущение не возникали.

И он дождался сигнала – обычного сигнала тэнгу, который много что мог рассказать знающему человеку.

– Кр-ра-а! – пронеслось над равниной. – Кр-ра-а!

Никто не обратил внимания на ворона, торчащего где-то высоко на сосне, и только монах расслышал в непомерно громком карканье «справа!»

Он немедленно прервал заклинание.

– Поступим иначе, – твердо сказал Бэнкей. – Я понял, что оборотень находится у девицы за пазухой справа. Пусть его достанут и опустят у моих ног. Я сам отнесу его в монастырь. Это безобидный оборотень, он бы вам вреда не принес. Мы прочитаем над ним заклинания и отпустим его.

– Доставай, Норико, оборотня, раз уж ты такая смелая, – велел Юкинари.

Девушка опустила на корточки и выпустила на снег небольшую молодую кошку счастливой трехцветной масти. После чего, повинаясь жесту Юкинари, сразу же отошла в сторону.

На ее круглом личике с челкой до самых бровей сразу же отразилось огромное облегчение.

Бэнкей склонился над кошкой, подхватил ее пятерней под брюхо и спрятал у себя на груди. Теплое, пушистое, заспанное существо прижалось к нему, ткнулось нежным носиком под мышку. Бэнкей, сам того не желая, улыбнулся.

– Возвращаюсь в монастырь, – сказал он. – За меня не бойтесь, мне оборотень вреда не причинит. Ступайте, да хранит вас святой Будда и оберегает Дзидзо-сама. Увидите на дороге его статую – помолитесь.

– Покровителю путников всегда молимся, – отвечал Юкинари. – Хорошо, что помог нам, благочестивый наставник. Как только смогу, привезу ценное пожертвование в твой монастырь. Ты ведь из здешней горной обители?

– Можно сказать и так, – уклонился от точного ответа Бэнкей. – Пойду я. Пока еще доберусь до обители... Под гору-то легче катиться, чем карабкаться в гору.

И он, повернувшись, зашагал вверх по тропинке, уверенно ставя крепкие ноги в конские следы.

– Иди сюда, Норико, – Кэнске показал ей на коня. – Довезу тебя с госпожой кошкой до носилок. Как только увижу старого господина – все ему расскажу.

И он вопросительно посмотрел на Юкинари.

Минамото Юкинари и сам понимал – вот эта невысокая круглолицая девушка, дочка повара, только что своим упрямством спасла все надежды его семьи на почет и благополучие. Но ему, будущему придворному, не подобало пускаться в изъяснения благодарности перед дочкой повара.

– Усади ее в носилка, Кэнске, и присмотри, чтобы она как следует укутала госпожу кошку, – велел он. – Потом, как приедем в Хэйан, напомнишь мне – дам тебе денег, чтобы ты купил ей подходящее платье. Она его заслужила.

Не дожидаясь, пока Кэнске посадит на коня Норико, не выпустив при этом на волю госпожу кошку, он поскакал к повозке, чтобы порадовать Фудзивара Нарихира. Свалившийся прямым путем с неба монах взял да и унес с собой оборотня. Все разрешилось как нельзя лучше.

* * *

– А я-то удивлялся! – воскликнул Бэнкей. – Почему, думаю, от нечисти обычное тепло исходит и никакой дрожи я внутри не чувую?

– Не сердись, – сказал тэнгу. – Если бы оборотень представлял для молодых господ и девушки настоящую опасность, я бы так не поступил. Но ты им правильно сказал – это совершенно безобидный оборотень.

– Выходит, я по твоей милости отнес бы в монастырь обычную кошку, и вся братия дружно бы читала над ней заклинания? А оборотень преспокойно ехал бы себе в Хэйан? – возмутился Бэнкей.

Тэнгу просто-напросто подшутил над своим приятелем-монахом. Возможно, из склонности к баловству, которая крайне осложняет жизнь всем, кто водится с тэнгу. А может, он говорил правду, утверждая, что оборотень в кошачьей шубке по сути своей добр и безвреден.

Бэнкей заподозрил неладное, когда поднимался в гору. Правда, ему не доводилось таскать за пазухой кошек, но он возился со щенятами, и ощущение было то же самое – звериного тепла, и не более того.

– Правильно говорил отец-настоятель, – проворчал он. – Человек и тэнгу из разного теста слеплены, и тэнгу человека всегда вокруг пальца обведет. Я-то тебе поверил!

Очевидно, для Остроноса вся эта история была обычным развлечением. И он очень удивился, когда Бэнкей без лишних слов зашагал прочь – вниз по тропинке.

– Постой! – воскликнул тэнгу. – Постой, монах! Что ты собрался делать?

– Вернуть им кошку, а себе взять оборотня! – отвечал Бэнкей, не оборачиваясь.

– Да постой же ты! – тэнгу вспорхнул, перелетел через голову монаха и шлепнулся перед ним на тропу. – Зачем тебе этот оборотень? Оставь его в покое!

– Ты знаешь, кто это? – строго спросил монах.

– Положим, знаю.

– Так кто же?

– Всего-навсего женщина. Ты же не станешь прикасаться к женщине?

– Будь она неладна!

– Между прочим, и кошка – самочка.

Остронос весело скалил мелкие острые зубы.

– Я по воздуху летать не умею, – мрачно сказал Бэнкей, – так что будь добр и пропусти.

– Конечно, я пропущу тебя, Бэнкей, хотя уж больно ты грозен. Мы, тэнгу, таких свирепых не любим. Но дай-ка ты мне лучше эту кошку...

– Зачем тебе она?

Тэнгу пожал плечами.

– Мне-то она ни к чему. Я хочу отнести ее в монастырь к отцу-настоятелю.

Бэнкей помолчал, соображая. Остронос знал про оборотня что-то важное, а что – не хотел признаваться.

– Ты не хочешь, чтобы я догнал молодых господ и обменял кошку на оборотня? – прямо спросил монах.

– Это ни к чему. Сдается мне, что от этого оборотня им будет больше пользы, чем от обычной кошки, пусть даже трехцветной.

Бэнкей задумался.

– Не хочешь ли ты сказать, что отец-настоятель, говоря об опасности, имел в виду вовсе не кошку?

– Трудно сказать, монах. Он почуял дыхание иного мира, вот что... Но от оборотня не исходит зла. Стало быть, зло их ждет впереди, – на редкость серьезно для тэнгу сказал Остронос. – Поэтому давай сюда кошку. Ты вот сердисься на меня, а я знаю, что, обманув тебя, сделал доброе дело. Ступай следом за молодыми господами. А я понесу кошку в монастырь. Когда-нибудь отец-настоятель подарит ее знатному паломнику или паломнице, и ответный дар пойдет на пользу монастырю. Видишь, как все хорошо складывается?

– Кто поручится, что ты и сейчас меня не обманываешь? – спросил Бэнкей, хотя и сам видел – поручиться некому.

– Да никто, – усмехнулся тэнгу. – Но ты поразмысли – что случится, если я сейчас над тобой подшутил, в носилках – обычная кошка, а это существо – оборотень? Случится лишь то, что ты несколько дней будешь идти следом за молодыми господами, проявляя всяческую бдительность, а потом исхитришься и выкрадешь у них ни в чем не повинную зверюшку! И будешь читать над ней все известные тебе заклинания без всякого проку!

Тэнгу расхохотался – и громовому хохоту вторили треском деревья.

– Хорошо, – сказал Бэнкей. – Я допускаю, что ты в конце концов сказал мне правду. Неси кошку в монастырь, а я пойду следом за молодыми господами. Если это все – обычная шутка тэнгу, ты не дашь ей зайти чересчур далеко.

Он отодвинул заступившего ему путь Остроноса и двинулся по тропе вниз.

– Берегись, – негромко сказал вслед Остронос. – Я не отец-настоятель, но опасность чую. Ты еще скажешь мне спасибо за то, что я оставил молодым господам оборотня.

– Возможно, – отвечал, не оборачиваясь, Бэнкей. Все-таки он был в обиде на тэнгу.

* * *

Пока монах и тэнгу пререкались, повозка успела укатить довольно далеко, да и носильщики, которых хорошо покормили в монастыре, бодро тащили по притоптанному снегу маленькие носилки с Норико и госпожой кошкой. Снова спустившись в узкую долину, Бэнкей увидел лишь следы от обутих в такие же, как у него, варадзи ног, колес и копыт.

Ходить он умел быстро, пожалуй, даже побыстрее хорошего погонщика быков. И не сомневался, что запросто догонит молодых господ с их свитой. Но монаху после того, как он вмешался в историю с оборотнем, вовсе не хотелось попадаться им на глаза. Чего доброго, оба молодых господина и опытный старший кэрай решили бы, что и он, монах, как-то связан с нечистью. Поскольку бывали случаи, когда старый барсук, перекинувшись монахом, морочил добрым людям голову. Бэнкей понимал толк в хорошей драке, но слишком уж много кэраев сопровождало Минамото Юкинари, и это были бойцы из северных провинций, где не прекращались схватки с варварами, а не изнеженная столичной жизнью свита Фудзивара Нарихира. Ту Бэнкей вообще в расчет не принимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.